

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС НА УКРАИНЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МИФОЛОГИЗИРОВАН- НОГО СОЗНАНИЯ: ОТ АТЛАНТИДЫ К МУЛЬТИРЕАЛЬНОСТИ*

А. Р. Шишкина

В данной статье на примере событий на Украине в 2013–2014 гг. рассматриваются механизмы формирования и восприятия образа своей страны, представлений об обобщенном враге, а также политического дискурса в кризисной ситуации на основе изучения особенностей мифологизированного сознания. Автор приходит к выводу, что современному миру оно присуще так же, как и нашим предкам, и неизбежно попадает под влияние политических условий и новейших тенденций мирового развития.

Мифологическое сознание как способ конструирования реальности

Одним из первых проявлений духовной культуры человечества, бесспорно, можно считать мифологию. С древних времен мифы служили не только для объяснения природных явлений и природы мироздания в целом, но и представляли собой форму символического познания мира, упорядочивающую хаос и облегчающую понимание процессов окружающего мира и внутреннего мира человека посредством наделения Вселенной качествами, которые присущи человеческому бытию (Пархоменко, Радугин 2001). Мифологическое сознание (то есть тип мышления, сформировавшийся на ранних стадиях развития человечества и предпринимавший попытки первого осмысления происхождения человека, устройства мира и т. д.) оперирует эмоциями, чувствами и образами, прочно укоренившимися в памяти народа. Оно часто объединяет и приравнивает друг к другу реальность и феномены, не поддающиеся объяснению.

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 14-02-00330).

Одной из значимых характеристик раннего мифологического сознания является связь Вселенной с пространством и устройством родовой общины, где царят те или иные коллективные представления, определяющие поведенческие характеристики ее членов.

Мифологическое сознание легло в основу античного искусства (достаточно вспомнить произведения Гомера, сочетающие мифотворчество и литературу, где боги не только играют одни из главных ролей, но и подчас кажутся более реальными персонажами, чем представители рода человеческого), а также способствовало зарождению и развитию индийского, персидского, скандинавского и других эпосов. Первоначально мифологическое сознание было неразрывно связано с обрядовыми практиками, однако уже с античных времен оно начало переходить в сферу мысленных конструкций и стало находить свое выражение в литературе, легендах и преданиях.

Не утратив своего значения на протяжении веков, мифологическое миропонимание оформилось, к примеру, в христианские образы или мотивы рыцарства в Средние века. В Средневековье, несмотря на утрату опыта Античности, практически все элементы окружающего мира были тотально символизированы, и в этой ситуации легко могли возникать мистические взаимосвязи вещей на основе простейших ассоциаций. Элементы мифотворчества содержались в поэтическом творчестве миннезингеров, вагантов, менестрелей, поэзии Данте и карнавальных перевоплощениях. М. Бахтин отмечал, что средневековый человек отличался повышенной эмоциональностью и способностью легко переходить из одной крайности в другую – от религиозного самоограничения к зрелищному празднику, изобилующему игрой сказочных, мифологизированных образов (Бахтин 1965).

Во времена Возрождения актуализировалась наглядно-чувственная сторона человеческого восприятия. Серьезные трансформации претерпели представления о взаимоотношениях Человека, Бога и Природы, христианские истины и нравственные нормы Античности находили все больше откликов в ренессансной культуре (Найдыш 2010). Мифологическое миропонимание укоренилось и в мифических представлениях, трагических образах и творческих построениях романтиков, относившихся к мифологическому сознанию с большим пиететом. Тяга к переплетению прошлого,

настоящего и будущего, конечного и бесконечного, реального и потустороннего придавали романтизму ореол мистицизма.

Эпоха постмодерна, закат которой мы наблюдаем сегодня, разрушила прежнюю систему восприятия мира и традиционных установок, устранив единые координирующие центры миропонимания, провозгласив многообразие мнений и равенство любых умопытельных построений. Вполне понятно, что в подобной ситуации стала не востребовавшей и в некоторой степени невозможной прежняя схема формирования мифологизированных образов, управляемая представлениями одного народа и общностью их культуры.

К XXI в. человеческое сознание неоднократно переживало кризисы, потрясения и кардинальную смену системы координат. Зигмунд Фрейд как-то заметил, что в свое время Галилео Галилей и его последователи отняли у человечества центральное место во Вселенной, отбросили его «на периферию» мироздания. Чарльз Дарвин лишил человека статуса венца творения природы, подчеркивая его естественное, животное происхождение. Сам Фрейд тоже внес ощутимый вклад в расшатывание умов его эпохи, отказав человеку в возможности контролировать свои поступки, мысли и эмоции и заявив о власти сферы бессознательного над ними. Иудео-христианская самоидентичность западного мира в большинстве своем также изжила себя (некоторые западные интеллектуалы сейчас постоянно подчеркивают, что мы живем в постхристианскую эру). На этом фоне была благодарно воспринята квазирелигиозная светская идеология марксизма, однако целостная система мифологизированных образов так или иначе рассеялась. Наступила эпоха постмодерна, одним из главных инструментов которого стала «игра в бисер» – перетасовывание укоренившихся в культуре знаков, образов, идей и произвольное конструирование на их основе новых смыслов. Постмодерн означал, по существу, устранение иерархий и любых полярных оппозиций (добро – зло, истина – ложь, возвышенное – низменное, сакральное – профанное, прекрасное – безобразное, справедливое – несправедливое и т. д.), признание права на существование *любой* системы ценностей.

Мифологическое сознание является предметом непосредственного восприятия и обладает своей собственной истинностью и достоверностью, которые не требуют научного опыта или доказательства. А. Ф. Лосев в «Диалектике мифа» отмечал, что миф – не

научное, даже не примитивно-научное построение, а процесс живого общения между человеком и мифическим объектом; мифу присуща своя собственная структура и закономерность (Лосев 1990). Этим во многом объясняется универсальная приживаемость мифологических построений в сознании людей: возникнув однажды, такого рода конструкции могут веками циркулировать в умах людей, принимая форму стереотипов, предрассудков, легенд, заблуждений и страхов.

Мировосприятие человека страшится неизведанного (и в то же время стремится к нему) и, соответственно, устроено таким образом, что ему необходимо как можно скорее сконструировать определенный образ Другого, от которого в последующем отталкивалось бы дальнейшее познание и восприятие. Одним из наиболее ярких примеров недавнего времени в этом случае может служить так называемый «ориентализм», описанный в одноименной работе Э. Саида, – то есть представление, согласно которому различие между Западом и Востоком приобретает форму глобального разделения мира, порождая, соответственно, определенные предрассудки и мифы. С одной стороны, мы можем наблюдать современную западную цивилизацию с развитой техникой и довольно четкими представлениями о демократии, а с другой – культуру Востока, стремящуюся сохранить свои традиции и уклад жизни (Said 1978).

Наверняка многим из нас знакома книга Дж. Конрада «Сердце тьмы» (Conrad 1998), наглядно иллюстрирующая, как конструируется образ культуры колонизируемых стран. Написанная с точки зрения белого человека, путешествующего на лодке по незнакомой африканской стране, книга изобилует описаниями чернокожих обитателей Конго, которые могут спровоцировать предвзятое восприятие мира африканцев. Так, в частности, обширную дискуссию с элементами обвинения в расизме вызвал эпизод, передающий впечатления одного из главных героев от зрелища множества «обезличенных» черных рук, высывающихся из густых зарослей. Предпринимая попытку не более чем описать группу незнакомых людей, Конрад едва ли мог предположить, что будет обвинен в расистских настроениях. Этот пример довольно ярко демонстрирует зависимость мышления от определенных клише и коллективных представлений, зачастую искажающих первоначальный смысл того или иного культурного феномена.

Мифы современного мира носят скорее спорадический характер: их возникновение следует за научными открытиями, урбанизацией, феминизацией и прочими процессами в обществе. Главным их отличием от традиционного мифа является повествование не о несуществующих (или существовавших очень давно) богах, героях, волшебных созданиях и т. д., а о конкретных фактах современного мира. К примеру, никто из передатчиков и реципиентов мифа о Лернейской гидре лично это существо не встречал и, более того, страшился случайной встречи с ним. Победить страшное создание было под силу только герою-полубогу – Гераклу. Сегодня едва ли не каждый десятый житель нашей планеты бахвалится тем, что лично видел инопланетян, Лох-несское чудовище или, на худой конец, снежного человека.

Немецкий философ Э. Кассирер, размышляя о технологиях современных политических мифов, отмечает, что все их элементы уже хорошо известны человечеству, почва современных политических мифов была подготовлена давно и лишь нуждалась в умелом применении нового технологического орудия. Кассирер также говорит о том, что наибольшая сила мифа проявляется в те времена, когда человек сталкивается с необычными или опасными ситуациями: «Попад в отчаянную ситуацию, человек всегда будет прибегать к отчаянным средствам. Таковыми являются и наши политические мифы» (Кассирер 1990). Политике не свойственно состояние устойчивого равновесия, и, соответственно, миф в той или иной степени постоянно присутствует в нашей жизни. Так, в частности, современные идеи вождизма или диктатуры выступают как персонализация коллективных желаний: подобно шаману в первобытном обществе, вождь становится всеильным существом, способным излечить общество от любых напастей. Современные политические мифы, таким образом, регулируя поступки людей, ставят перед собой задачу изменить самих этих людей, а воспроизводится миф в том же смысле и с применением тех же методов, что и для производства любого другого современного оружия.

В данной статье предпринимается попытка описания и анализа некоторых наиболее распространенных клише, актуализировавшихся как реакция на кризисные тенденции в социально-политической жизни Украины в XXI в.

Политические мифы современной Украины

Стоит подчеркнуть, что в научной литературе наших дней так и не сложилось единого понимания феномена мифа, особенно применительно к сфере политики. Но можно попытаться выделить наиболее значимые попытки его объяснения. Так, к примеру, американские политологи Д. Ниммо и Дж. Комбс определяют электоральную мифологию как «доверительное, драматическое, социально сконструированное воспроизведение воспринимаемых реальностей, которые люди принимают в качестве постоянного, фиксированного знания о реальности, забывая (если когда-либо и знали) о его заведомо образных, придуманных и, вероятно, вымышленных качествах» (Nimmo, Combs 1980). Отталкиваясь от этого определения, О. Ятсунка отмечает, что современные избирательные системы основаны на конкретном мифе либо системе мифов. В этом случае особенно важную роль играет телевидение, создающее эффект присутствия посредством воздействия на зрение и слух зрителя. Визуальная картинка вызывает гораздо больше доверия, чем чисто вербальная информация (Yatsunka 2007).

Применительно к президентской кампании 2004 г. на Украине она, например, рассматривает четыре основные категории политических мифов, формирующих образы политических лидеров: главные мифы (призванные объединить все социальные группы общества; сюда могут быть отнесены мифы о создании государственности, национальная идея и т. д.), «мы – они» (используются, как правило, политическими игроками и актуализируются в электоральный период), героические мифы и псевдомифы (современный продукт, производимый в основном средствами массовой информации). В частности, этноцентризм, являясь подвидом первого типа мифологем, позиционирует Украину как прекрасную страну, достойную занять одно из лучших мест в мире. Особо подчеркивается, что, например, во времена президентства Л. Кучмы политические элиты, представляющие кланово-олигархические группы, формировались именно на региональной основе.

В современном мире зачастую высказывания политиков становятся метафорами, многократно воспроизводимыми и повторяющимися в политическом дискурсе с целью решения тех или иных проблем. Происходит своего рода ритуализация употребления смыслов, а эффект повторяемости образов-«заклинаний» создает

у участников коммуникации иллюзию их действенности и эффективности. Как отмечает лингвист Е. В. Тараненко, «в ситуации кризисной коммуникации между властью и обществом на Украине многие фреймы используются медиа не как контент, а как мифологемы, стереотипы, знаки без означающего. Информирование подменяется фреймовым конструированием, по сути мифологизацией, мощно влияющей на массовое сознание» (Тараненко 2014). Она же подчеркивает, что некоторые метафорические и метонимические обозначения кризиса на Украине стали закрепившимися обозначениями с точным значением (например, «Евромайдан» или «Небесная сотня»), в то время как значительная часть других (в первую очередь это относится к теме дружеских отношений между Россией и Украиной или украинского политического кризиса) утрачивают конкретику, размываются и становятся предметом политической риторики, а не инструментом разрешения кризисных ситуаций.

В рамках рассмотрения выбранной нами проблематики особое значение имеет миф о государстве и величии нации, в той или иной степени присущий многим странам мира – так, императорский Рим вдохновлял итальянских фашистов во главе с Б. Муссолини, Священная Римская империя – немецких нацистов и т. д. Для такого типа мифологической самоидентификации характерно ассоциирование с великим народом, проживавшим на территории нынешнего государства, доблестными завоевателями, известными воинами, сказочными персонажами и т. д. В этом контексте вполне ожидаемым является довольно часто возникающее в локальных СМИ отождествление украинского народа с потомками крито-минойской цивилизации и даже Атлантиды.

Для иллюстрации этого предположения приведем весьма красочную концепцию выходца из г. Николаева А. Золотухина – потомка Рюрика в 31-м колене, как он сам себя именует. На страницах своего виртуального ресурса Золотухин, основываясь на «методике чтения скрытых стихов» древнегреческих текстов «Илиады», «Одиссеи», гимнов Гомера, Гесиода, «Аргонавтики» Аполлония Родосского, «Батрахомиомахии» Анахарсиса, диалогов Платона «Тимей» и «Критий» и др., приходит к выводу, что «Геракловы столбы располагались в Босфоре, Атлантида находилась в Крыму (в районе Евпатории) и погибла от гигантской волны цунами, а также землетрясения после взрыва вулкана Санторин в 1447 г. до

н. э.» (Золотухин 2013). Резюмируя свое исследование, автор утверждает, что Евромайдан можно рассматривать как подсознательное воспроизведение украинским народом Киевского вече XII в.: «Через месяц стояния людей на Майдане его четкая и демократическая самоорганизация вполне воспроизводит Запорожскую Сечь XVI в. Каждый час в течение суток весь месяц, днем и ночью, Майдан исполняет гимн своей страны» (Там же). Утопическая картина истории и современности государства Украина дополняются и обозначением идеалистических перспектив будущего страны, в котором такого рода движение должно стать моральным авторитетом народа и выразителем его моральных оценок.

Стоит особо подчеркнуть, что в данном случае для нас важны не столько историко-географическая достоверность и научная правдоподобность таких предположений, сколько само стремление конструировать образ страны с великим прошлым, в силу обстоятельств оказавшейся в трудном положении.

Наиболее же реальным, «материальным» отражением описанных выше тенденций является пересмотр украинской истории в отрыве от российской истории, в частности, изменения в школьных учебниках истории в постсоветский период, отражающие национальную историю украинского народа. Таким образом, украинская территория оказывается тесно связанной с этнокультурным наследием, уходящим корнями во времена Киевской Руси. Действительно, до определенного момента западная и российская историография фактически отказывала Украине в праве на собственную историю (Friedman 1992). Это было связано с отсутствием у украинцев собственной нации-государства. Т. Кузио отмечает, что после 1992 г. эта дилемма уже могла быть решена с фактическим возникновением украинского национального государства, что дало возможность учесть культурные и этнические особенности развития (Kuzio 2005). А по словам, например, Е. К. Быстрицкого, такого рода капитальное изменение образа культуры от ее понимания как системы универсальных ценностей (что было присуще советскому периоду) к образу и переживанию культуры как жизненного мира этнокультурных, национально-культурных традиций (в посткоммунистический период) – процессы вполне естественные: «Понятно, что в ситуации сознательной борьбы с прежней идеологией и новой политической элите, и народу, и каждому человеку была

необходима система иных и, возможно, более незыблемых традиционных ценностей. Без этого осмысленная, человечески значимая жизнь невозможна. Таким основанием и стала геополитически акцентированная культура» (Быстрицкий 1996).

В этом же русле развиваются и представления о национальном языке, передающемся из поколения в поколение и питающем культуру, обряды и традиции украинского народа. Следуя натуралистическому подходу к пониманию языка и, в частности, концепции немецкого исследователя А. Шлейхера, который заявляет, что «законы, установленные Дарвином для видов растений и животных, применимы, по крайней мере, в главных чертах своих и к организмам языков» (Шлейхер 1864), языки можно рассматривать в качестве живых организмов, они постоянно изменяются, вступают в противостояние друг с другом, склонны к эволюции, подстраиваются под нужды и условия каждого нового поколения. В эпоху глобализации подобные тенденции лишь усиливаются, поскольку влияние других языков и процессов заимствования в этом случае значительно интенсифицируются.

В отношении языка стоит также отметить, что на протяжении большей части истории человечества многие группы населения не владели письменной формой своего языка, используя в устной форме местные диалекты, которые практически не имели ничего общего. Таким образом, ассоциирование устоявшихся форм литературного языка, выраженных в культурном наследии той или иной страны и, например, всемирно известных литературно-фольклорных произведениях, с языком нынешнего политического поля имеет под собой довольно мало логических оснований. Британский историк Э. Хобсбаум и вовсе отрицает мысль о том, что современные нации сформировались на основе древних этнических сообществ, и вводит понятие «изобретенных традиций» (Hobsbawm 1983), по сути, утверждая, что нации есть политические, а не этнические сообщества. В этом случае идеи об исторической преемственности и культурной специфике наций отражают лишь миф, порожденный националистическими устремлениями.

В концепции Хобсбаума национализм формирует нацию, а не наоборот. Националистические же воззрения (понимаемые и как идеология отдельных слоев общества, преследующих довольно агрессивные цели, и в русле западной политологической тради-

ции – как философия нации, выражение ее духа) не обходятся без конструирования образа «врага». Еще К. Шмитт в своей теории политического говорил о том, что вся общественная структура вращается вокруг особого типа социального отношения и называл политику специфической формой соединения и разъединения людей (Шмитт 1992). Образ «врага» способен не только разъяснить массам, кто является виновником всех проблем общества (проецируя, согласно теории К. Юнга, вину за все беды и неудачи на стороннее лицо или обстоятельство), но и стать мощным мобилизационным стимулом для революционных действий.

Образ врага, уходящий корнями в родоплеменные отношения, аккумулирует в себе все негативные черты и может ассоциироваться как с реальной опасностью, так и с вымышленным противником. Что характерно, в обоих случаях главной характеристикой врага является представление об исходящей от него смертельной опасности. В. Дукельский и Т. Юренева описывают это так: «Придуманый враг совсем не то, что враг реальный. Он нарисован нашим воображением, подпитывается завистью, страхом и ненавистью. Самим фактом своего существования враг воображаемый оскорбляет нас, ежеминутно бросает нам вызов. Существует особая философия вражды, отказа от соображений разума, рецидив чего-то очень древнего, приходящего вместе с ночными страхами. Если же за дело берутся профессионалы – политики, пиарщики, идеологи, – в обществе начинает формироваться атмосфера враждебности и подозрительности, а общественная жизнь начинает балансировать на грани истерии и абсурда» (Дукельский, Юренева 2006).

Проецируя подобные размышления на ситуацию на Украине в настоящее время, можно заключить, что в качестве «реального» врага выступают внутренние факторы – события или личности, в частности президентство В. Януковича, нежелание которого подписывать соглашение о евроинтеграции и вызвало те опасения за дальнейшую судьбу Украины, которые привели к событиям Евромайдана.

В условиях отсутствия ярко выраженных харизматических лидеров в современном украинском политическом пространстве наиболее реальным референтом коллективной памяти о героическом прошлом украинского народа в настоящее время выступает фигура Степана Бандеры (которому в 2010 г. было даже присвоено

звание Героя Украины) – весьма неоднозначной личности, которой приписываются как демонические черты, так и невероятная отвага и т. п. Так, для жителей Западной Украины он стал символом борьбы за независимость, в то время как в Восточной Украине и России эта историческая личность воспринимается в основном негативно (BBC Ukrainian 2009). Выбор известной личности в данном случае вполне оправдан, так как, несмотря на гротескность образа Бандеры, стремление того к борьбе за независимость украинского народа, по крайней мере его части, очевидно. К слову, о полумифичности этого персонажа свидетельствует также тот факт, что его последователей нередко называют «бендеровцы» вместо «бандеровцы» – видимо, по аналогии с вымышленным персонажем всем известного романа Ильфа и Петрова.

А был ли «Боинг»?

В середине июля 2014 г. мир облетело известие о крушении «Боинга-777» Малайзийских авиалиний над Украиной, на востоке Донецкой области, в результате которого погибли все пассажиры и члены экипажа (Hradecky 2014). В мировых информационных агентствах сразу же появилось несколько громких и противоречащих друг другу версий относительно причин этого события. Согласно одному из сценариев, самолет был сбит при помощи зенитно-ракетного комплекса «Бук», находившегося в руках пророссийских повстанцев. Эти догадки основывались на якобы перехваченных переговорах СБУ и ГРУ, данных, фиксирующих транспортировку «Бука», свидетельствах запуска ракеты с подконтрольной повстанцам территории и т. д. (United States Embassy 2014). Президент Украины П. Порошенко расценил катастрофу как террористический акт, организованный повстанцами под руководством выходцев из России (Ntv.Ru 2014).

Выдвигались версии и о причастности украинских военных. Так, по мнению лидеров самопровозглашенной Луганской Народной Республики, одновременно с крушением лайнера был подбит и украинский штурмовик Су-25, либо самостоятельно совершивший атаку на малайзийский «Боинг», либо предназначенный для отслеживания падения его обломков после катастрофы (РИА Новости 2014). Силловые ведомства России также выдвигали предположения о том, что самолет был сбит украинской ракетой класса

«земля – воздух» либо «воздух – воздух». По данным Министерства обороны России, «Боинг» следовал в соответствии с установленным маршрутом, однако в какой-то момент отклонился от него на север. В ходе маневра в воздушном пространстве над этой территорией был зафиксирован еще один объект – по всей видимости, военный, так как его довольно долго не удавалось опознать (Бойко 2014).

В сентябре 2014 г. голландской прокуратурой был обнародован отчет по делу о крушении лайнера. Так, главный прокурор Нидерландов Фред Вестербеке отметил, что наиболее вероятным сценарием катастрофы самолета является ракета, выпущенная с земли. Впрочем, он не исключал вероятности и других причин, среди которых были отмечены несчастный случай или террористическая активность на борту «Боинга» (24tv.Ua 2014). Таким образом, однозначной причины крушения установлено не было, что оставило обширное поле для построения догадок.

Нередко можно было услышать также красноречивые и экстравагантные версии: так, среди блогеров пользовалась популярностью та, в соответствии с которой разбившийся малайзийский «Боинг» был тем самым, который пропал в марте 2014 г., поскольку их бортовые номера практически совпадают, а в первом случае самолет так и не был обнаружен. Более того, он был специально угнан с целью использования в провокации против России. На сомнительность рейса указывал слишком быстро появившийся трупный запах на месте катастрофы – свидетельство того, что на борт погрузили уже мертвых людей (а среди обломков не было найдено ни тележек, ни контейнеров с питанием), а также то, что паспорта пассажиров имели странные проколы и во время крушения почти совсем не пострадали (Politicus.Ru 2014).

По меткому замечанию российского аналитика А. Крылова, «несчастный малайзийский Боинг существует как минимум в пяти различных реальностях. В одной его нечаянно сбивают повстанцы, в другой – Россия, в третьей – Украина. В четвертой Украина уничтожает пассажирский самолет преднамеренно, в пятой это же делает Россия» (Крылов 2014). Конструированию настолько неоднородного информационного поля вокруг катастрофы в огромной степени способствовали современные коммуникационные технологии – действительно, в виртуальном пространстве, располагающем

возможностями моментального распространения информации и обмена мнениями среди пользователей, любое событие может быть окрашено по-разному, в зависимости от политической ориентации, этноконфессиональной принадлежности или гендерной самоидентификации реципиента (выступающего одновременно и производителем новостного продукта).

Каждая из групп реципиентов выстраивает свою собственную мифологизированную картину произошедшего, четко прорисовав сюжетную линию события, определив «своих» и «чужих» и приведя неопровержимые аргументы, подтверждающие виновность врага. В условиях повсеместного распространения Интернета, когда фактически стерты любые преграды на пути распространения информации, когда журналистика, ассоциирующаяся с так называемыми традиционными медиа (основной чертой которых выступает централизованность подачи информации «сверху» и отсутствие возможности критически на нее реагировать), постепенно уступает место гражданской журналистике и пользовательской активности, такого рода процессы являются естественными.

И если вынести за скобки вопрос о том, что произошла страшная трагедия, в ходе которой погибли люди, то в целом не так уж и важно, что именно случилось с самолетом – в любом случае, каждая из сторон будет воспринимать «объективную» версию как ошибочную, если она не совпадает с изначально ею сформированной – таковы особенности мифологического сознания, возникшего на самых ранних этапах развития человечества и сопровождающего его по сей день.

Как мы видим, культурные, глубоко иррациональные факторы в значительной степени усугубляют кризисные тенденции в социально-политической сфере. Прогнозирование политических тенденций в современном мире, таким образом, оказывается неразрывно связанным с изучением не только «объективных» показателей экономического, социального или демографического развития той или иной страны мира, но также и с учетом дестабилизирующего эффекта культурно-психологических особенностей населения конкретного региона.

Библиография

- Бахтин М. М. 1965.** *Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса.* М.: Худ. лит.-ра.
- Бойко А. 2014.** Министерство обороны России: падающий «Боинг» сопровождали украинский штурмовик и спутник-шпион США. *Комсомольская правда* 22 июля. URL: <http://www.kp.ru/daily/26258.5/3137481>.
- Быстрицкий Е. К. 1996.** Украина – Россия: разлом культур. *Украинско-российский диалог: Национальные интересы Украины и России: совпадения и расхождения.* Материалы международной научной конференции. Киев. С. 42–48.
- Дукельский В., Юренева Т. 2006.** К истории образа врага в новой России. *Вестник Европы* 17. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2006/17/du23.html>.
- Золотухин А. 2013.** Украина – душа и сердце Европы! Homer & Atlantis. 16 декабря. URL: <http://homerandatlantis.com/?p=1012>.
- Кассирер Э. 1990.** Техника современных политических мифов. *Вестник МГУ. Серия 7. Философия* 2: 58–65.
- Крылов А. 2014.** Малайзийский «Боинг» существует как минимум в пяти реальностях. *Взгляд* 17 ноября. URL: <http://vz.ru/columns/2014/11/17/715590.html>.
- Лосев А. Ф. 1990.** *Диалектика мифа.* М.: Правда.
- Найдыш В. М. 2010.** *Мифология.* М.: КНОРУС.
- Пархоменко И. Т., Радугин А. А. 2001.** *Культурология в вопросах и ответах.* М.: Центр.
- РИА Новости. 2014.** Власти ЛНР: малайзийский Boeing был сбит украинским самолетом Су-25. *РИА Новости* 17 июля. URL: <http://ria.ru/world/20140717/1016438333.html>.
- Тараненко Е. В. 2014.** Использование образных выражений в медиа-дискурсе как мифологическая практика решения кризисной ситуации. *Наука як рушійна антикризова сила: міжнародна конференція, м. Київ, 29 березня 2014.* Центр наукових публікацій. С. 225.
- Шлейхер А. 1864.** *Теория Дарвина и наука о языке: Публ. послание д-ру Эрнсту Генкелю, э. о. проф. зоологии и дир. Зоол. музея при Пен. ун-те Августа Шлейхера.* СПб.: Тип. П. А. Кулиша.
- Шмитт К. 1992.** Понятие политического. *Вопросы социологии* 1: 35–67.
- BBC Ukrainian. 2009.** Виборча: Для поляків – бандит, а для українців – герой. *BBC Ukrainian* 09.08. URL: http://www.bbc.co.uk/ukrainian/pressreview/story/2009/08/090803_vyborcza_bandera_oh.shtml.
- Conrad J. 1998.** *Heart of Darkness & Other Stories.* Hertfordshire: Wordsworth Editions Ltd.
- Friedman J. 1992.** The Past in the Future: History and the Politics of Identity. *American Anthropologist* 94(4): 837–854.

- Hobsbawm E. 1983.** *The Invention of Tradition. Edited by Eric Hobsbawm and Terence Ranger.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Hradecky S. 2014.** Crash: Malaysia B772 Near Donetsk on July 17th 2014, Aircraft Was Shot Down. *The Aviation Herald* 17 July. URL: <http://avherald.com/h?article=47770f9d&opt=0>.
- Kuzio T. 2005.** Nation Building, History Writing and Competition over the Legacy of Kyiv Rus in Ukraine. *Nationalities Papers* 33(1): 29–58.
- Nimmo D., Combs J. 1980.** *Subliminal Politics: Myth and Mythmakers in America.* New Jersey: Prentice-Hall.
- Ntv.Ru. 2014.** Порошенко назвал крушение Boeing-777 в Донецкой области терактом. *Ntv.Ru* 17 июля. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1144176>.
- Politicus.Ru. 2014.** Немного конспирологии: странные группы, паспорта с дырками и бортовые номера Боингов. *Politicus.Ru* 18 июля. URL: <http://politikus.ru/articles/24697-nemnogo-konspirologii-strannye-trupy-pasporta-s-dyrkami-i-bortovye-numera-boingov.html>.
- Said E. 1978.** *Orientalism.* New York: Pantheon.
- United States Embassy. 2014.** United States Assessment of the Downing of Flight MH 17 and its Aftermath. *United States Embassy Official Web-Site* 19 July. URL: <http://ukraine.usembassy.gov/statements/asmt-07192014.html>.
- Yatsunska O. 2007.** Image Myths in the 2004 Ukrainian Election Campaign. *Aspects of the Orange Revolution II: Information and Manipulation Strategies in the 2004 Ukrainian Presidential Elections* / Ed. by B. Herasymiw, O. S. Ilnytkyj. Stuttgart: Ibidem Press.
- 24tv.Ua. 2014.** Голландская прокуратура обнародовала основную версию падения Boeing-777. *24tv.Ua* 12 сентября. URL: http://24tv.ua/news/showNews.do?golandskaya_prokuratura_obnarodovala_osnovnuyu_versiyu_padeniya_boeing_777&objectId=484453&lang=ru.